

Псаломъ 89.

НАДПИСАНИЕ.

Ст. 1) *Мітва мшчєа человѣка бѣїл.*

СОДЕРЖАНИЕ.

Сей псаломъ раздѣляется на три части, изъ коихъ въ первой разсуждаетъ Моисей о вѣчности Бога, во второй описываетъ краткость и бѣдность человѣческія жизни, въ третій прибѣгаетъ къ помощи и милосердию Бога.

ТОЛКОВАНИЕ.

2) *Гдн, прнбѣжице былъ єїн намъ въ роѣ и роѣ.*

Пророкъ, отличая сыновъ Авраамовыхъ отъ прочихъ народовъ особеннымъ преимуществомъ, прославляетъ благодать усыновленія, котораго по милости Своей удостоилъ ихъ Богъ. Намѣреніе предисловія сего клонится къ тому, чтобы Богъ ту милость, которую древле явилъ Онъ къ святымъ патріархамъ, паки вознобновилъ и продолжилъ къ дѣтямъ ихъ. Итакъ, не о томъ повѣствуетъ здѣсь, какимъ образомъ Богъ извелъ Израильянъ изъ Египта, но какимъ образомъ съ начала и во всѣ времена поступалъ со отцами ихъ. Впрочемъ, прилично нарицаеть Бога *прибѣжищемъ* ихъ: ибо хотя состояніе всѣхъ людей непостоянно на земли, но потомки Авраамовы, да и самъ Авраамъ паче другихъ подвержены были таковой участіи, когда чрезъ всю свою жизнь были странниками, или паче изгнанниками. Они скиталися по лицу всея земли до самаго того времени, какъ отведены были во Египтъ. Почему нужно было искать имъ прибѣжища подъ кровомъ криль Божіихъ, безъ котораго едва ли могли они почтаться между жителями міра. А понеже Богъ чрезъ все времена странствованія защищалъ и покровительствовалъ ихъ, наипаче когда жили они между дикими и свирѣпыми народами, претерпѣвая всякаго рода обиды; то Моисей, превознося сію особенную Божію къ нимъ милость, прилично глаголетъ: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родѣ и родѣ, и оную продолженіемъ времени паче и паче увеличиваетъ, ибо болѣе четырехъ сотъ лѣтъ не преставаль Богъ хранить ихъ подъ покровительствомъ Своимъ.*

3) *Прѣждѣ дѣже горамъ не бытн, и создатн землн и вселеннѣй, и ѿ вѣка ты єїн.*

Сими словами доказывается, что Тотъ же Самый Богъ во всѣ времена и во всякомъ родѣ и родѣ былъ прибѣжищемъ всѣмъ уповающимъ на Него: ибо Онъ всегда Той же есть, сирѣчь, всегда равномѣрно силенъ, равномѣрно премудръ, равномѣрно благъ. А дабы показать, что Богъ прежде всѣхъ тварей существуетъ, во первыхъ, упоминаетъ о горахъ, можетъ быть, для того, что онъ первыя явилися, когда земля отдѣлена была отъ водъ, коими въ началѣ творенія отсюду покрыта была; или для того, что горы составляютъ часть земли, болѣе другихъ открытую и видимую. Потомъ говорить о *созданіи земли*, коя нѣкоторыя части составляютъ горы. Къ сему присовокупляеть *вселенную*, то есть, часть земли людьми населенную. Отсюду видимъ, что подъ именемъ земли разумѣется здѣсь земля пустая и ненаселенная, а подъ именемъ *вселенныя*, земля населенная и обитаемая: горы же и въ той и въ другой части земли обрѣтаются. Наконецъ присовокупляеть: *отъ вѣка и до вѣка Ты еси.* Не глаголетъ: Ты былъ еси отъ вѣка и пребудеши до вѣка, но въ настоящемъ: *Ты еси*, дабы показать безпределную вѣчность Бога, которая не что иное есть, какъ продолженіе времени, не имѣющее начала и конца, и не подверженное никакой перемѣнѣ, какъ сказано индѣ: *Ты же Той же еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 28).

4) *Не ѿвратнъ человѣка во смиреніе, и реклз єїн* (въ Евр. *Возвращенъ человѣка въ окончаніе, и глаголеши*): *ѡвратнітесь, сынове человѣче глаголи.*

5) *Іакъ тѣкаша лѣтъ предъ очима твоими, гдн, іакъ дѣнь вчерашнїй, аже мѣш идѣ, и отражка ноцина.*

Здѣсь, во первыхъ, упоминаетъ о краткости и тлѣнности человѣческія жизни, оплакивая бѣдствія ея, не потому, аки бы хотѣль состязаться съ Богомъ, но дабы преклонить Его на милость, якоже и индѣ глаголеть: яко *Той позна созданіе наше, помяну, яко перстъ есмы* (Псал. 102, 14). Теченіе же жизни нашей сравниваетъ съ кругообращеніемъ: ибо Богъ, поставя насъ на землѣ, въ краткомъ обращаетъ кругу, и когда дойдемъ до послѣдней точки, мгновенно къ Себѣ восхищается. Не безъ причины присовокупляетъ и оныя слова: яко *тысяща лѣтъ предъ очима Твоими Господи, яко день вчерашиній*. Ибо хотя самъ опытъ доказываетъ, что люди, по окончаніи кругообращенія, тотчасъ выходятъ изъ міра, однако не всегда помышляютъ о тлѣнности своей: ибо выше міра не простираются взора своего. Почему такъ прилѣплены бывають къ настоящей жизни, какъ бы имѣли жить чрезъ тысячу лѣтъ. Всякъ, сравнивая себя съ другими, обѣщаетъ себѣ самую долговременную жизнь. По сей-то причинѣ Моисей возбуждаетъ насъ отъ усыпленія, возводя мысли наши къ безпредѣльной вѣчности оной, безъ которыхъ мы не чувствуемъ, коль суетна и кратка наша жизнь. Воображеніе долговременныхъ жизни есть подобно сну, въ которомъ все мы погружены, доколѣ размышеніе о вѣчности не истребить въ насъ ся мечты. А какъ люди въ семъ случаѣ чрезъ мѣру слѣпотствуютъ, сего ради представляеть имъ судію Бога, какъ бы такъ говоря: Господи, ежели бы человѣки всегда въ памяти имѣли ону вѣчность, откуду взираешь Ты на легкомысліе ихъ, то поистинѣ почли бы за ничто настоящую жизнь; но понеже не мыслять и не разсуждаются, что есть вѣчность, да еще и добровольно очи свои отвращаютъ отъ неба: сего ради безумствуютъ, и день единъ почитаются за сто лѣтъ. Сие обращеніе достойно замѣчанія: ибо Моисей, стуживъ небреженіемъ людей, относится къ Богу, какъ бы жалуясь, что онъ съ глухими людьми имѣеть дѣло, которые и отъ всегдашихъ опытовъ научиться не могутъ, что они суть люди тлѣнныя. За симъ сокращаетъ тысячу лѣтъ не токмо въ день единъ, но и полагаетъ день вчерашиній, который прошелъ уже. А что уже прошло, то и воспоминанія не заслуживаетъ. Что касается до *стражи нощныя*, то известно, что древніе всю ночь обыкновенно раздѣляли на четыре стражи, изъ которыхъ каждая состояла изъ трехъ часовъ. Сие подобіе присовокуплено для униженія гордости нашей, дабы показать, что предъ Богомъ и тысяча лѣтъ ничѣмъ не разнствуетъ отъ трехъ часовъ нощныхъ, въ которые едва ли знаютъ люди, бодрствуютъ они или спятъ.

6) *Өүннинжѣнія ىىخ لەتىا بۇدۇڭ (въ Евр. Лѣтга ىىخ ىكىشىنەن بۇدۇڭ): ئۇرىش ىكىشىنەن تىلەتلىكىمەش ىدىتىز، ئۇرىش پروცېپتەتىز ىىپەيدەتىز: نا بەچەرەپ شپىدەتىز، ۋەچەپتەتىز ىىپەيدەتىز.*

Подтверждаетъ вышереченные слова, показывая, что люди, странствуя въ мірѣ семъ, совершаютъ мгновенный нѣкоторый кругъ. Ибо сонъ просто означаетъ смерть, которая вскорѣ повергаетъ насъ во гробъ, гдѣ превращаемся въ землю. Присовокупляемое сравненіе съ травою относится къ тому, что люди происходять на свѣтъ подобно прорастающей по утру травѣ, которая на краткое время зеленѣеть, а потомъ, будучи скошена,увядаетъ. Сие учение требуетъ всегдашняго размыщенія, ибо хотя все вѣдаемъ, что нѣтъ ничего тлѣннѣе жизни нашей: однако часто забываемся, и съ неистовыемъ нѣкоторымъ стремленіемъ восхищаемся воображеніемъ земного безсмертія. Но кто памятуетъ, что онъ смертенъ, тотъ хранить умѣренность, и за предѣлы не выходитъ, но тщится достигнуть назначенія цѣли.

7) *ئىكىشىنەن بىزىزىخومىز گىنەكىمىز، ىىپەيدەتىز تىلەتلىكىمەش.*

8) *Положىلىق ئىن بەززاكىنىڭ ناىشا پەيدەتىز تىلەتلىكىمەش، بېكىك ناىشا كەن پروცېپتەتىز لىقلا تىلەتلىكىمەش (въ Евр. تىلەتلىكىمەش ناىشا پەيدەتىز تىلەتلىكىمەش لىقلا تىلەتلىكىمەش).*

Въ первомъ стихѣ даетъ причину краткости жизни нашей, и говорить, что сократилъ ее праведный гнѣвъ Божій, возжженный грѣхами человѣческими. И хотя въ Богѣ, собственно говоря, нѣтъ ни гнѣва, ни ярости, ни другой нѣкоторой страсти; однако въ преображеніи смыслъ приписывается и ярость и гнѣвъ, когда не щадить Онъ грѣшника, но по заслугамъ наказываетъ его. Во второмъ стихѣ изображаетъ, что причиною гнѣва Божія были беззаконія наша. Беззаконіями же нашими нарицаєтъ грѣхъ первыхъ праотцевъ нашихъ, который былъ намъ общій съ ними, и въ которомъ многія другія находились беззаконія, яко-то: гордость, непослушаніе, невѣріе, любопытство, и прочая. Впрочемъ, безъ сомнѣнія, взираетъ Моисей и на беззаконія потомковъ

Адамовыхъ, съ размноженiemъ коихъ тлѣнность жизни человѣческія еще болѣе умножилась: ибо до потопа жили люди до девятисотъ лѣтъ, послѣ потопа до двухъ или до трехъ сотъ, потомъ во время Моисеево до ста двадесяти, наконецъ во время Давидово до осмидесяти. Такимъ образомъ Моисей, показавъ вкратцѣ, что люди на подобіе дыма естественно исчезаютъ, отсюду заключаетъ, что неудивительно, ежели Богъ, раздраженный грѣхами, безвременно отъемлетъ жизнь у тѣхъ, коихъ во гнѣвѣ Своемъ караетъ. Въ слѣдующихъ словахъ: *положилъ еси беззаконія наша предъ Тобою — и: тайная наша предъ свѣтомъ лица Твоего — замѣтить должно красивую противоположность между сокровенными грѣхами, и между свѣтомъ лица Божія.* Чрезъ сюо противоположность Моисей означаетъ, что когда Богъ скрываетъ грѣхи человѣческие отъ лица Своего, то и люди скрываются во тьмѣ, и предаются многимъ ложнымъ мечтамъ; а когда, извлекая изъ сокровенныхъ убѣжищъ, гдѣ они подъ личиною лицемѣрія тщатся скрыть грѣхи свои, поставляютъ ихъ предъ очами своими, тогда, будучи поражены страхомъ и ужасомъ, смиряются.

9) Іакѡ вінъ дніє нашні ѿкѹдѣша, и гнѣвомъ твоимъ ізвѣзбомъ: лѣта наша іакѡ плачина поѹчѧлъ (въ Евр. іакѡ вінъ дніє нашні ѿкѹдѣша ѿ гнѣва твоегѡ: проведбомъ лѣта наша іакѡ дохновеніе).

Пророкъ распространяетъ здѣсь вышереченное ученіе о силѣ Божія гнѣва, и о строгомъ испытаніи грѣховъ. Ибо говоритъ, что наказаніе, которое понесли Израильянѣ за грѣхи свои, было не кратковременное, но такое, которое продолжилось чрезъ все теченіе жизни ихъ даже до смерти. И такъ оплакивая несчастную жизнь Іудеевъ, показываетъ, что дни ихъ въ непрестанныхъ бѣдствіяхъ протекли, и на подобіе дыма исчезли. Чего ради? Понеже Богъ не благоволилъ гнѣва Своего умягчить или укротить: и потому не удивительно, что лѣта ихъ на подобіе дохновенія протекли, когда такъ сильно гнѣвъ Божій належалъ. Равнымъ образомъ ежели бы и мы во Адамъ не согрѣшили, то дни наши хотя проходили бы, но никогда тещи не преставали, и мы вмѣстѣ съ ними не оскудѣвали. Нынѣ же и дни наши скоро сокращаются, и мы съ ними конецъ житія пріемлемъ, и умираемъ, Богу праведно грѣхи наши наказующу. Подобіе, взятое въ переводѣ седмидесяти толковниковъ отъ паука, то же самое изображаетъ, то есть, что лѣта наши, или минуты жизни нашей то въ суетныхъ трудахъ и печалахъ, то въ страхахъ и подозрѣніяхъ, то въ стяжаніи временныхъ благъ нечувствительно проходятъ, и подобно пауку изнуряются, который въ соплетеніи сѣтей, всякия вещи ничтожнѣйшихъ, не безъ изнуренія собственного состава упражняется.

10) Дніє лѣтъ нашніхъ въ нижѣ седмидесятъ лѣтъ, аще же въ гілухъ, Семидесятъ лѣтъ, и множиѣ ихъ прѣдъ и болѣзни: іакѡ прїиде қрѣгость на ны, и наакажемса (въ Евр. іакѡ прѣходатъ лѣте, и мы оѣтгаемъ).

Паки обращается къ общему ученію, и показываетъ, коль кратка жизнь человѣческая, хотя бы Богъ и не сокращалъ оную гнѣвомъ Своимъ. Кое, глаголеть, продолженіе нашей жизни? Ибо ежели исчислимъ и всѣ годы ея, то они не восходятъ выше седмидесяти, развѣ въ крѣпчайшихъ до осмидесяти: далѣе же не что иное суть, какъ трудъ и болѣзнь, то есть, жизнь немощная и дряхлости подверженная. Но здѣсь встրѣчается вопросъ: должно ли по письмени разумѣть мѣсто сіе — о сокращеніи жизни до седмидесяти или осмидесяти лѣтъ, когда видимъ, что многое есть такихъ крѣпкихъ людей, которыя болѣе осмидесяти лѣть живутъ, и напротивъ многое есть такихъ, которые гораздо прежде седмидесяти умираютъ? Сей вопросъ рѣшится общимъ мнѣніемъ всѣхъ, какъ древнихъ отцевъ, такъ и новѣйшихъ толковниковъ, которые разумѣютъ мѣсто сіе по письмени, и ограничиваютъ жизнь человѣческую седмьюдесятю или осмьюдесятю лѣтами, которыя хотя и кажутся быть продолжительны, но въ сравненіи съ жизнью многихъ животныхъ, а наипаче съ вѣчностію, весьма кратки. А что нѣкоторые крѣпкіе люди живутъ болѣе осмидесяти лѣтъ, то не дивно: ибо всякое правило не безъ изъятія, да и число таковыхъ людей весьма не велико. Не дивно также и то, что многіе умираютъ прежде седмидесяти, а многіе и прежде четыредесяти и тридесети лѣтъ: ибо слабое сlijеніе бываетъ тому причиной. Но Пророкъ глаголеть здѣсь вообще о лѣтахъ, разумѣя общіе и обыкновенные предѣлы человѣческія жизни, то есть, что люди,

при цѣлости силъ и чувствъ, обыкновенно живутъ не болѣе седмидесяти или осмидесяти лѣтъ. А что люди прежде потопа и послѣ вѣсма долго жили, то сіе приписывать должно промыслу Бога, Который сдѣлалъ сіе для того, дабы родъ человѣческій скрѣ распостранился, такъ какъ послѣ тогъ же промыслъ Божій сократилъ время человѣческія жизни, частію потому, что умножилися грѣхи, а частію потому, что ежели бы люди и по распространеніи человѣческаго рода жили вѣсма долго, то міръ не вмѣстить бы ихъ. Слѣдующія конечныя слова: яко *прииде кротость на ны, и накажемся*, означаютъ, что отъ краткости жизни, а паче отъ многоболѣзненной старости ту приобрѣтаемъ пользу, что оставя гордость и юношеское надменіе, смиряемся и наказуемся, то есть научаемся познавать немощь нашу и покоряться Богу, смиряясь подъ сильною рукою Его. По тексту Ерейскому: яко *преходятъ абіе, и мы улетаемъ*, — Пророкъ разумѣеть, что люди безумно гордятся преимуществомъ своимъ: ибо хотя и не хотя принуждены бывають взирать на будущее время, и видѣть смерть, къ которой они съ быстрымъ полетомъ стремяются, между тѣмъ какъ слава и гордость ихъ ежеминутно исчезаетъ.

11) *Ктгъ вѣрить держалъ* (въ Евр. *крѣпости*) *гнѣва твоегѡ, и ѿ ітрахъ твоегѡ яроистъ твою изчестї*; (въ Евр. *и яко же ітрахъ твой, таکѡ гнѣвъ твой.*)

Здѣсь паки обращаетъ слово къ частнымъ бѣдствіямъ народа Израильскаго: ибо по сему единственно случаю и выше о общей тѣлности человѣческаго рода бесѣдоваль. Впрочемъ прилично восклицаетъ, что крѣпость Божія гнѣва есть непостижима. Ибо ежели за единый грѣхъ первого праотца такъ прогнѣвался Богъ на весь человѣческій родъ, что всѣхъ осудилъ не токмо на труды и болѣзни, но и на самую смерть, дабы всѣ человѣки по многотрудной и болѣзненной жизни обращалисѧ въ перстъ свою: то по сему самому судить можно, коль велика гнѣвъ Божій противъ грѣха, и коль безчисленны способы наказанія, отъ гнѣва происходящіе. И ежели отъ смерти сея тѣлесныя справедливо заключаемъ о великоти гнѣва Божія противъ грѣха: то кольми паче заключить можно отъ тѣхъ вѣчныхъ казней, которыя ожидаютъ грѣшныхъ людей послѣ жизни сей. Сие по истинѣ превосходитъ всякое понятіе человѣческое. Слѣдующія за симъ слова: яко же страхъ Твой, тако гнѣвъ Твой — означаютъ, что единый страхъ Божій раждаетъ въ насъ истинное и прямое чувствованіе Божія гнѣва. Ибо мы видимъ, что отверженные люди хотя и жестоко наказываемы бывають, однако не исправляются, но или ропщутъ, или явно возстаютъ на Бога, или ожесточаются во грѣхахъ своихъ, кольми паче не покоряются Ему. А хотя иногда смущаются и вопіютъ, но чувствованіе гнѣва Божія не проникаетъ въ сердца ихъ и лютости ихъ не умягчаетъ. Однѣ только благочестивыя души чувствуютъ гнѣвъ Божій, однако не ожидаютъ громовыхъ ударовъ, коимъ отверженные люди противополагаютъ ожесточенныхъ выи свои: но тотчасъ содрогаются, и обращаютъ взоръ свой къ Богу.

12) *Деснїцъ твою таکѡ скажи мї, и ѿкованымъ сѣрдцемъ въ мѣдрости.*
(въ Евр. *Ичислѧти днї наши таکѡ наѹчи наїз, да введемъ въ сѣрдце наше мѣдрость.*)

Понеже предвидѣль Пророкъ, что все доселѣ говоренное человѣческимъ разумомъ постигнуть невозможно, доколѣ Богъ не озаритъ людей Духомъ Своимъ: сего ради обращается къ молитвѣ. И хотя при первомъ взглядѣ, молитва сія покажется безмѣстна: ибо какая мудрость — знать число лѣтъ нашихъ, когда оное не выше осмидесяти лѣтъ восходить? Какая трудность исчислить толь немногіе годы, когда и самыя дѣти, лишь только говорить начинающіе, знаютъ буквы и числа? Какая нужда учиться числительной наукѣ, когда и безъ учителя по пальцамъ исчислить можемъ сто лѣтъ? Но тѣмъ-то и неизвинительне глупость наша, что мы и толь краткаго времени жизни никогда не исчисляемъ. Ибо и самый наилучшій ариѳметикъ, который тысячи тысящій подробно и точно раздѣлять и раздроблять знаетъ, при всемъ томъ осмидесяти лѣтъ въ жизни своей исчислить не можетъ. Люди знаютъ измѣрять все находящееся внѣ ихъ; знаютъ, на сколько стадій отстоитъ луна отъ средоточія земли; вѣдаютъ, сколь далеко разстоять между собою звѣзды и планеты; кратко сказать, вѣдаютъ всѣ размѣры неба и земли, но въ себѣ самихъ седмидесяти лѣтъ исчислить не могутъ. Отсюда видимъ, что Моисей не напрасно у Бога проситъ, дабы научилъ исчисляти дни наши: ибо сіе означаетъ рѣдкую мудрость. Послѣдній членъ также достоинъ замѣчанія, въ которомъ Пророкъ научаетъ, что мы тогда вводимъ мудрость въ сердце, когда

понимаемъ краткость человѣческія жизни. Ибо можетъ ли быть большая глупость, какъ скитаться въ свѣтѣ, не предполагая никакой извѣстной цѣли? Одни токмо вѣрные, коимъ извѣстно различіе между сею тлѣнною жизнью и блаженною вѣчностію, для которой созданы, знаютъ, какую жизнь избѣгать должно.

- 13) *Щербатієм*, гдн, доколів; ю оўмоленіз вяды на рабы твоі.

14) *Ніспольніхомія* злѣтра мілості твоей, гдн, ю возрадоўхомія ю возвеселіхомія.
(въ Евр. *Ніспольні* наіз злѣтра мілостію твоему, да возрадхемія ю возвеселімія).

15) *Ко* вѣл дній наша возвеселіхомія, *за* дній, въ наўже смирілъ наіз ёшті, лѣтта, въ наўже відѣхомія
злѣлъ.
(въ Евр. возвеселі наіз злѣлъ, въ наўже наскізовалъ ёшті наіз, *за* лѣтта, въ наўже відѣхомія злѣлъ.)

Продолжает вышеупомянутую молитву, и просить, дабы Богъ, Который давно уже тяжкими казнями карает Свой народъ, наконецъ преклонился на милость. Ибо хотя ежедневно и многоразличными образы давалъ Израильтянамъ чувствовать милость Свою: но самое странствование по пустыни, и удаленіе отъ обѣтованнаго земли было жесточайшимъ наказаніемъ, которое напоминало имъ, что они недостойны того блаженного наслѣдія, которое обѣщалъ Богъ отцамъ ихъ. Притомъ вѣроятно, что и ужасная клятва, которую Богъ изрекъ на нихъ, часто приходила имъ на мысль: *не внидутъ въ покой Мой, но тѣлеса ихъ истлѣютъ въ пустыни* (Числь 14, 32). Нѣть сомнѣнія, что припоминаетъ здѣсь и ту жестокую работу, которую претерпѣли Израильтяне во Египтѣ; и потому не неприлично оплакиваетъ долговременную скорбь чрезъ оное слово: *доколь?* Слѣдующія слова: *обратися Господи, и умоленъ буди на рабы Твоя* — означаютъ прошеніе Пророка о возвращеніи прежнія милости Божія ко Израильтянамъ. Ибо какъ Богъ, по обыкновенному выражению Писанія, отвращаетъ лицо Свое, когда отъемлетъ знаки благоволенія Своего: такъ, напротивъ того, обращается, когда возвращаетъ паки милость Свою.

- 16) Ҳ прізрн на ғлабы твоқ һ на дәфлә твоқ, һ настайған сыйны һұз.
 (въ Евр. да ғәбінгісі на ғлебікіз твоқиңиз дәфлө твоє, һ ғлабы твоқ на сыйнікіз һұз.)

17) Ҳ ездін сеғітгосын гәдә еғін нашега на нағз, һ дәфлә рұққа нашніңиз ғаспрағына на нағз, һ дәфлө рұққа нашніңиз ғаспрағы.

Понеже Богъ, оставляя церковь Свою безъ помощи, нѣкоторымъ образомъ пріемлетъ на Себя лице, не свойственное Богу: сего ради Пророкъ благоразумно нарицаетъ дѣломъ руку Его милостивое покровительство, которое обѣщаль Онъ сынамъ Авраамовыимъ. Почему, хотя дѣло рука Божиихъ видимо было и во всѣхъ тѣхъ казняхъ, коими каралъ Богъ то вѣроломство Израильянъ, то неблагодарность, то ожесточеніе, то любострастіе и похоти, то другое грѣхи, — но Пророкъ всѣмъ симъ доказательствомъ Божіей силы по превосходству предпочитаетъ милостивый промыслъ о сохраненіи Израильского народа, и желаетъ, чтобы сей наипаче всюду вѣдомъ и прославляемъ быль: да явится на рабъхъ Твоихъ дѣло Твое, и слава Твоя на сыновъ ихъ. По сей причинѣ и Павелъ Божію благость особенно именемъ славы величаетъ, глаголя: да скажетъ богатство славы Своей на сосудъхъ милости, яже предуготова въ славу (Рим. 9, 23). Хотя бо и міръ судя проявляетъ славу Свою, но поелику нѣть ничего естественнѣе Ему, какъ благотворить человѣческому роду: сего ради слава Его между благодѣніями первое занимаетъ мѣсто. Что касается до настоящаго мѣста, то поелику Богъ началь уже благодѣтельствовать народу Своему, изведя его изъ Египта, а оставалось только ввести его въ Ханаанскую землю: сего ради просить, дабы довершилъ предназначатое дѣло; и не помрачилъ славы Своей. Сie яснѣе изображается во второмъ членѣ, где Моисей испрашиваетъ милости не токмо людямъ вѣка своего, но и дѣтямъ ихъ, которыя еще не родились. Ибо таковъ быль образъ того завѣта, въ которомъ сказано: Буду тебѣ Богъ, и съмени твоему по тебѣ (Быт. 17, 7). Сверхъ сего замѣтить должно и имя свѣтлости, откуду также усматриваемъ несравненную Божію любовь къ намъ. Ибо обогащая нась Своими дарами, хотя ничего Себѣ не пріобрѣтаетъ: однако хощеть, чтобы красота его явно сияла, такъ какъ бы она помрачалася, ежели бы не видима была въ благотвореніяхъ Его. За симъ слѣдуетъ: дѣла рука нашихъ исправи на насъ. Сими словами означаетъ Моисей, что мы ничего не можемъ благополучно

начать или предпринять, ежели Богъ не будетъ намъ предшествовать, и въ дѣлахъ нашихъ благословеніемъ Своимъ содѣйствовать. Откуду слѣдуетъ, что люди безбожные въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ своихъ бываютъ неблагоуспѣшны: ибо гдѣ нѣтъ Бога, тамъ все приходить въ безпорядокъ и замѣшательство. Не излишне присовокуплено и оное повтореніе: *и дѣло рукъ нашихъ исправи.* Оно научаетъ, что мы имѣемъ нужду въ безпрерывномъ продолженіи Божіей благодати, дабы сопровождала насъ не токмо до половины пути, но и чрезъ все теченіе жизни.

По книге: ТОЛКОВАНІЕ НА ПСАЛТИРЬ, по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тицаніемъ и трудами Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена, покойнаго Архіепископа Псковскаго, Лиѳляндскаго и Курляндскаго и Кавалера, ИРИНЕЯ. Изданіе девятое. Часть вторая. МОСКВА. Синодальная Типографія. 1903 г.

1.00.10